

Избирательный цикл 2007–2008: три кризиса современной российской власти

Беляков Р.Ю.

кандидат исторических наук, доцент,
эксперт Фонда «Российский общественно-политический центр»

В статье подводятся итоги избирательного цикла 2007–2008 годов, анализируется существующая общественно-политическая ситуация в России, рассматриваются причины и проявления кризисных явлений российской власти.

Очередной избирательный цикл в России завершился. Постепенно утихают споры и обиды, связанные с думскими и президентскими выборами. Наступает время для спокойного анализа. Если суммировать мнения экспертного сообщества и действующих политиков, то необходимо отметить главное – основной итог выборов состоит в том, что действующая российская власть достигла всех поставленных перед собой накануне политических целей.

На думских выборах впервые одна партия получила абсолютное большинство примерно в две трети голосов избирателей.

В марте текущего года Президентом Российской Федерации был избран кандидат, который получил поддержку почти трех четвертей избирателей, что в процентном отношении сопоставимо с победой Владимира Путина на его вторых выборах в марте 2004 года, а в абсолютных цифрах – это самый высокий показатель на протяжении всех президентских кампаний.

«Единая Россия», как представляется, установила не просто очередной рекорд в истории постсоветской многопартийности, это та *победа, с которой необходимо что-то делать*. Две трети голосов ставят единороссов перед необходимостью повседневно доказывать, что их партия должна стать и становится правящей.

В этом контексте решение IX съезда «Единой России» об избрании на пост Председателя

партии Владимира Путина выглядит логичным. Однако одного его явно недостаточно для реализации модели правящей партии. Любая правящая партия должна обладать привлекательной идеологией, мощными рычагами реальной власти, решающим кадровым потенциалом. Всего этого пока что «Единой России» в полном объеме не хватает. С другой стороны, формальное лидерство Путина в «Единой России» вызывает, как минимум, два серьезных политических вопроса.

Во-первых, существенного прояснения требует беспартийный статус В.В. Путина как Председателя партии. Это вызывает непонимание не только у простого обывателя, но даже у специалистов. Несомненно, что беспрецедентность этого решения будет использоваться и уже используется оппонентами «Единой России» для ее дискредитации. Аргументы, что в свое время Сергей Шойгу и Борис Грызлов, совмещая должности руководителя партии и главы силового ведомства, также не были членами партии, представляются не совсем корректными. Владимир Путин после того, как покинет пост главы государства не будет иметь непосредственного руководящего отношения к силовому блоку, а значит на него не будут распространяться ограничения по членству в партиях, установленные законом.

Во-вторых, беспрецедентно большие полномочия Председателя партии наводят на пря-

мые аналогии с нормами, установленными в политических организациях авторитарного, вождистского типа (в современной России к таковым обычно относят ЛДПР). Новый лидер «Единой России» имеет в обществе такой уровень социальной поддержки, что у многих возникают вполне обоснованные сомнения, разумна и полезна ли такая форма руководства политической партией.

Большое внимание в период после завершения выборов уделяется вопросу о будущем российской многопартийности. Совершенно правы те, кто придерживается мнения, что процесс партийного строительства не должен быть одноканальным.

В этих условиях процесс дальнейшего укрепления «Единой России» должен идти в контексте совершенствования всей структуры многопартийности. В противном случае Россию ждет реанимация однопартийной политической системы, чего большинство ответственных представителей правящего класса хотело бы избежать.

До будущих выборов в стране остается совсем немного времени. Именно поэтому актуальность нового этапа реформирования многопартийности еще более возрастает.

Большинство аналитиков ожидает, что будет предпринята очередная попытка реформы «сверху» с участием федерального государственного руководства. Однако есть и скептики, которые весьма критически оценивают итоги работы уже созданной синтетической и мнимо социалистической «Справедливой России».

Дискуссия о «конструктивной оппозиции», которая затухла, не успев начаться, лишней раз показывает, что сохраняется легкое беспокойство относительно перспектив партийной системы России.

Симптоматично, что при явном кризисе титульной оппозиции неожиданно, возможно даже для них самих, в последнее время публичную трибуну получили политики, сам факт упоминания которых совсем недавно считался откровенным моветоном. Речь идет об Александре Проханове и Сергее Кургиняне. Конечно, в нынешней конъюнктурный момент некоторые их мысли оказались созвучны действующей власти. Тем не менее, это не отменяет их ко-

рральной оппозиционности, так же как и того, что оба слишком броски и талантливы на фоне растущей убогости отечественного политического поля. Их присутствие на информационном пространстве, так же как и вывод «в резерв» Глазьева с Рогозиным, неожиданное приглашение в Кремль Григория Явлинского позволяет утверждать, что пресловутый вопрос о «конструктивной оппозиции» остается открытым.

Наконец, на ближайшую перспективу, по мнению авторов комментариев, остается непроясненной до конца проблема взаимоотношений в рамках новой конфигурации власти по линии «президент – правящая партия».

В условиях действующей Конституции, с одной стороны, вся полнота государственной власти в стране находится в руках Президента Российской Федерации, а, с другой, статус правящей партии Основным законом не предусмотрен.

Поэтому специалисты видят выход все-таки в том, чтобы приступить к плановым изменениям в конституционных основах государственности, которые бы зафиксировали уже реально состоявшиеся перемены в политической жизни страны.

Что касается второй избирательной кампании, то ее итоги также вызвали достаточно продолжительные дискуссии. В центре внимания особенности президентских выборов–2008 года, к которым относят прямое участие в выборном процессе действующего президента и минимальную активность в кампании основного кандидата, фактическое отсутствие у Медведева традиционной предвыборной программы и практическое свертывание его штабом политической рекламы.

Поэтому, по-видимому, правы те, кто считает, что победа Дмитрия Медведева вовсе не связана с ходом предвыборной кампании, в которой главную роль сыграли три условных оппонента. Этот результат был предопределен всем ходом политического процесса на протяжении последних восьми лет правления Владимира Путина.

Мне кажется, что сегодня, когда эффект от этой внушительной победы несколько спал, главным сюжетом в оценках политических перспектив в России сводится к опасениям или предчувствиям раскола в верхах.

Эти эмоции в принципе не основаны на чем-то рациональном. Действительно, тандем провел главную политическую игру четырехлетия почти безупречно под лозунгом «Мы – единая команда!».

Спрашивается, а почему тогда многим грозит кризис. На самом деле основы для этого есть. Это и давняя притча о двух медведях в одной берлоге, и традиции борьбы за власть в далеком и относительно близком прошлом, и проклятая изменчивость, можно сказать, ветренность политических пристрастий наших соотечественников, которые, как мы знаем, умеют и иступленно любить, и также страстно презирать, ненавидеть одних и тех же вождей, и проклятое низкопоклонство значительной части чиновничества, которое упорно служит не Родине, а очередному хозяину, и многое другое. Ко всему этому можно добавить и то, что в окружающем мире становится все менее спокойно. Если проанализировать все это, то опасения и страхи становятся не зряшными, а вполне реальными.

Следует иметь в виду, что к возможному расколу отношение складывается и внутри страны и за ее пределами самое различное. Для одних это трагедия, для других – шанс реванша.

Особенно пристально отслеживают политические процессы в России наши иностранные партнеры, среди которых доброжелателей у современной России осталось совсем немного.

Осознавая всю ответственность момента, конструктивные силы Отечества стремятся объединить свои усилия для продолжения возрождения страны, внесения в общий курс преобразований важных корректив в интересах большинства.

Помимо чисто ситуативных моментов очень многое будет зависеть от осознания, диагностики и определения способов лечения уже достаточно застарелых, но опасных болезней нашего политического устройства. К ним относится то, что автор назвал тремя кризисами отечественной власти.

1. Кризис элиты. Модная ныне теория элит подвергается растущей критике как экспертного сообщества, так и людей весьма далеких от науки. При этом мотивация примерно одинакова – это несоответствие современной россий-

ской элиты общепризнанным критериям морали, нравственности, уровням развития интеллекта, профессионализма и т.д.

Все более острую реакцию вызывает нарочитая демонстрация равнодушия и даже презрения элиты к интересам и потребностям большинства российского народа, выставление на показ своего образа жизни, апология сверхбогатства и праздности.

Пропаганда аморализма, культ насилия и вседозволенности стали достигать уровня, который угрожает не только основам традиционной культуры, воспитанию подрастающих поколений, но и, по мнению ряда авторитетов, ставит под вопрос национальную безопасность государства.

Складывается впечатление, что крайний индивидуализм, культ наживы, неогедонизм, уверенность в полной безнаказанности, в том, что законы на нее не распространяются, стали подлинной идеологией значительной части российской элиты. Практически ежедневно средства массовой информации, которые также далеко небезгрешны в распространении этой идеологии, приносят все новые свидетельства вырождения и разложения нашей элиты.

Наиболее опасным является то, что на наших глазах возрождается старая рубрика газеты «Правда» «Два мира – два образа жизни». Только раньше это касалось разделения мирового сообщества на страны социализма и капитализма, то теперь линия раздела проходит внутри самого российского общества.

В истории нашей страны элита старалась выступить носителем национальной идеологии, формулировала важнейшие задачи государственного развития, звала и вела за собой для их решения остальные слои народа, объединяла его. Это происходило даже тогда, когда какие-то из этих идей оказались ложными или неоднозначными.

Однако, к сожалению, и ситуация внутреннего раскола для России не нова. Такой раскол сделал смертельными социальными врагами помещиков и крепостных, что привело к нескольким кровавым восстаниям, десяткам тысяч локальных и местных бунтов. Такой раскол между военной элитой и нижними чинами старой армии, в конце концов, подорвал ее бое-

способность и привел к поражению в войне с Германией в 1914-1917 гг. и разгрому белых в Гражданской войне 1918-1920 гг. Наконец, противоречия между властью и интеллектуальной элитой породил феномен русской интеллигенции, которая дважды стала инициатором смены политического режима.

Сегодня придворные мыслители убаюкивают власть и элиту: Россия исчерпала свой лимит на революции. Интересно знать, кто, когда и на каких условиях установил этот самый лимит. Также закономерен вопрос о том, что современный социальный протест является столь же многообразным и непредсказуемым, насколько сложно и противоречиво современное общество. Одним словом, новый социальный взрыв вовсе не обязательно начнется с того, как лысоватый мужичок залезет на броневик.

Политическая близорукость российской элиты отражает опасные социальные иллюзии, недооценку реальных и потенциальных угроз будущего. Элита не может уклоняться от своей миссии, иначе будет плохо всем.

Таким образом, элитарная анклавность мышления, растущая безнравственность, отрыв и противопоставление себя толще населения страны составляют кризис российской элиты.

2. Кризис представительства интересов.

Политическая власть основана, в том числе, и на представительстве интересов народонаселения каждой страны. Чем сложнее структура общества, тем все более важную роль играет этот критерий. Особое значение имеют формы этого представительства.

До революции достаточно разветвленным и относительно эффективным было сословное представительство. По-видимому, именно сословные органы можно назвать самой старой формой представительства общественных интересов. При этом российская интеллигенция приняла на себя функцию духовной оппозиции еще в XIX веке.

С появлением прессы она стала важным каналом публичного представительства общественного мнения. Затем появился российский парламент, столетие которого было отмечено недавно с умеренной помпой.

Параллельно легализовалась деятельность политических партий и общественных органи-

заций, в том числе и профсоюзов. В советский период формально развивались все эти структуры. Добавились и новые в виде пресловутых трудовых коллективов, огосударственных творческих союзов и др.

Система представительства зорко оберегалась нормами квот на выдвижение на партийную, комсомольскую, профсоюзную, общественную, административную, хозяйственную, советскую работу. Квоты были разные – этнические и профессиональные, возрастные и половые. Все это обеспечивало, по крайней мере, видимость причастности к управлению государством и обществом всех основных социальных групп населения. Хотя было бы неверно полностью отрицать наличие и реального представительства социальных интересов. Система дискретного существования населения и власти в советский период была принципиально осуждаемой.

В настоящее время отчуждение власти от широкой общественности растет. Это приобретает все более разнообразные формы.

Например, при кажущемся всепроникающем влиянии СМИ их реальная социальная роль все более сводится к «развлекаловке». Все мы приываем к тому, что самые громкие разоблачения, если их не иницирует сама власть, не влекут за собой никаких серьезных последствий.

Об общественных организациях вспоминают либо в связи с праздниками, либо перед выборами.

Местное самоуправление продолжает испытывать сложности с финансированием и вовлечением граждан.

Усиливается процесс концентрации власти в столице. После последних выборов доля лиц с московской пропиской в составе нижней палаты парламента возросла с 36 до 42%. И это при том, что в Москве живет менее 8% граждан Российской Федерации.

В Думе и Совете Федерации минимум женщин, почти нет представителей так называемых «неполитических» профессий. Как не смеялись, но «рабочий Шандыбин» до Думы действительно стоял у станка. Появление среди парламентариев спортсменов, журналистов, певцов – не более чем дань моде, явление не продуманное, а сиюминутное.

Мы любим обязательно к существительному добавлять прилагательное. Если плюрализм, то социалистический, если демократия, то суверенная, если федерализм, то подлинный. Может быть, поэтому все чаще встречается определение «бездушный бюрократ». И большинство очень хорошо знает, что за этим кроется. Но не все понимают, что одной из важнейших предпосылок чиновничьего бездушия является то, что часто неясно чьи интересы представляет наша родная бюрократия.

Понимание того, что государство – это коллективный договор, корпорация различных слоев населения, а не привилегия управленческого класса сегодня либо отрицается, либо игнорируется.

3. Кризис коллегиальности. Сквозь всю историю отечественной государственности проходит борьба двух начал: автократии и коллегиальности.

Современные правые силы пытаются обосновать свое политическое поражение тем, что российскому народу якобы имманентно присуща тяга к единовластию, самодержавию, авторитаризму. Немцов и Хакамада вряд ли читали труды известного общественного деятеля позапрошлого века Петра Чаадаева, но по сути являются его убежденными последователями. Тезис Чаадаева о рабской душе русского человека очень близок современной демократической оппозиции.

Между тем, в политической системе нашей страны можно найти много прецедентов достаточно эффективных управленческих систем, которые были основаны на участии большого количества лиц.

Примитивной коллегией был сельский сход крестьянской соседской общины, который возник на заре осознанной истории восточнославянских племен.

Народное вече русского средневековья составлял важнейший орган власти не только в Пскове и Великом Новгороде, но и в некоторых других княжествах Древней Руси.

Земские соборы XVI–XVII веков принимали общегосударственные своды законов, решали вопросы войны и мира и дважды избирали на царство новую династию, сначала Годуновых, а затем Романовых.

Даже сверхавторитарный Петр Великий создал протоминистерства в виде коллегий, на заседании которых высказывать свое мнение было *обязательным*.

Анастас Микоян явно противоречил сам себе, когда на фоне бичеваний Сталина временно признавал, что при нем Политбюро было очень сильным по составу, а заседания проходили интересно, чуть ли не творчески.

На Западе во времена «развитого» социализма было модно писать о том, что Пленумы ЦК КПСС являли собой суррогатный советский парламент. Может быть это было и так, если учесть, что один Пленум ЦК не допустил уже предрешенной отставки Первого секретаря, а другой дал санкцию на начало массовых репрессий.

Несомненно, что расцвет (некоторые употребляют слово разгул) совещательности и коллегиальности в деятельности государственных органов пришелся на время масштабных социальных трансформаций в России в период трех революций 1905 и 1917 годов и антикоммунистической революции 1990–1993 годов.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года стало системным ответом на перегибы демократизации победившей исполнительной власти.

Однако, как это часто бывает, политическая практика последующих лет намного превзошла задуманные принципы. Сегодняшнее ослабление властной роли федерального парламента, отмена выборности глав субъектов федерации, ужесточение подходов к избирательной системе и партийному строительству приводят ко все большей концентрации полномочий в одном центре влияния. Возвращается церемониальная коллегиальность, при которой довлеет мнение одного лица.

В этих условиях избрание Дмитрия Медведева третьим президентом страны многими рассматривается как исторический шанс для выправления сложившегося перекоса в системе власти. Однако пока что никаких реальных симптомов этого не последовало.

Между тем, кризис коллегиальности помимо всего прочего не только противоречит традиции «совета всей земли», которую по старинке некоторые любят именовать соборностью, но и

возрождает коллективную безответственность, а это всегда очень опасно.

Конечно, кто-то может сказать, а почему три кризиса? Может их больше, и автор назвал не самые сложные из них. Может быть. Однако

еще раз важно подчеркнуть, что без преодоления кризисов элиты, представительства и коллегальности дальнейшее развитие нашей государственности будет крайне затруднено.

